

Б.Б. Карданова

Черкесское городское отделение
общественной организации «Союз композиторов России»
Карачаево-Черкесской Республики

З.З. Зинева

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований

НАСЛЕДИЕ РАННИХ ФОРМ РЕЛИГИИ В ТРАДИЦИОННОМ ИСЛАМЕ НОГАЙЦЕВ

В статье рассматривается вопрос о происхождении и характере религиозной культуры ногайцев. Проведенное исследование показывает, что от доисламского периода в мировоззрении ногайцев сохранился ряд архаических религиозных практик. В статье делается вывод о том, что традиционный ислам у ногайцев представляет собой отчасти синкретическое явление, что придает духовной жизни этого народа своеобразные черты, которые можно определить как «степной ислам».

Ногайцы, религия, ислам, традиции, трансформация, обычаи, празднества, обряды.

Научные знания о верованиях ногайцев накапливались в течение длительного времени. Немало сведений по данному вопросу содержится в сочинениях и трудах авторов разных исторических периодов. Среди этих авторов Э. Джекинсон, А. Олеарий, Эвлия Челеби, С.Г. Гмелин, И.И. Георги, М.Э. Османов, М.Н. Алейников, В.А. Мошков, А.И.-М. Сикалиев, Р.Х. Керейтов, М.Б. Гимбатова, А.В. Сызранов, А.А. Ярлыкапов, В.М. Викторин, В.В. Трепавлов, З.М. Зулпукарова, Р.И. Сефербеков, И.С. Капаев, Б.Б. Карданова. Однако до настоящего времени недостаточно изучены ранние верования ногайцев, что делает актуальным тематику данного исследования. Целью работы является рассмотрение остаточных проявлений ранних религий, сохранившихся в традиционном исламе ногайцев. Задачи исследования: 1) дать общую характеристику традиционного ислама у ногайцев; 2) выделить следы ранних религий в мусульманских религиозных обрядах и праздниках ногайцев; 3) выделить следы ранних религий в окказиональных и семейно-бытовых праздниках и обрядах.

Все ранние религии так или иначе выполняли определенные функции (когнитивные, коммуникативные, воспитательные и т.д.), но главным, пожалуй, было объяснение происхождения мироздания и человека, его жизни и особенно – посмертного бытия. Объяснения эти соответствовали уровню и стадии развития общества. Важнейшей предпосылкой понимания был опыт мифологизации, представления о мире посредством очеловечивания и олицетворения природы. В процессе исторического развития ногайцев эволюционировало и их религиозное мировоззрение. На его формирование оказывали влияние разные факторы, но прежде всего – исторические.

Как известно, религией большинства современных ногайцев является ислам суннитского толка (ханафитского мазхаба). В качестве одной из мировых монотеистических религий ислам, возникший в Аравии в VII в., многое заимствовал как из ранних форм религии, так и из христианства. Объективно исламизация ногайцев была отложенным результатом араб-

ских завоеваний Ближнего Востока и Средней Азии. Непосредственное обращение предков современных ногайцев имело место в эпоху Золотой Орды, а особенно широкие масштабы оно приняло после 1312 г., т.е. со времени официального введения мусульманства в качестве государственной религии ханом Узбеком. В конце XIV – начале XV в. политику, направленную на укрепление позиций ислама в Степи, проводил Эдиге (Едиге) – золотоордынский *беклярбек*, считающийся основателем самостоятельной ногайской династии [17, с. 158]. О процессе исламизации ногайцев сообщает польский географ эпохи Ренессанса Матвей (Матфей) Меховский [15, с. 58, 59]. Этот вопрос в общих чертах рассматривает современный историк В.В. Трепавлов [20, с. 547], более детально – этнографы Р.Х. Керейтов [14] и А.А. Ярлыкапов [21]. Исследователи сходятся во мнении, что процесс был достаточно длительным. Как замечает В.В. Трепавлов, «...мы не можем игнорировать солидарность независимых друг от друга источников, говорящих о не всеобъемлющем господстве ислама в мировоззрении среди кочевников. У ногаев сохранялись весьма значительные пережитки домусульманских верований. На эту особенность мировоззрения ногайцев обращал внимание авторы конца XVII–XVIII вв.» [20, с. 548]. Говоря о сосуществовании у ногайцев XIX–XX вв. мусульманских и ранних (домусульманских) обрядов, Трепавлов полагает: «Более консервативными оказались поминальные обряды на сороковой и сотый день и через год после смерти. Мусульманским там было лишь чтение отрывка из Корана. Практически весь остальной церемониал остался доисламским» (Там же, с. 567). Р.Х. Керейтов пишет, что «исламское начало сосуществовало в ногайской культуре с очень прочными и длительными доисламскими языческими традициями. К ним относится прежде всего традиция сооружения каменных изваяний (*балбалов*), среди которых типологически преобладают мужские фигуры воинов. Общая для многих племен тюркского каганата, для степной культуры кочевников Евразии ранней средневековой поры, эта традиция долгие

всего сохранялась в половецко-кыпчакской среде (в Ногайской степи) и не прервалась сразу ни после монгольского нашествия, ни после официального принятия ислама ханами Золотой Орды» [14, с. 369]. Сохранившиеся до наших дней каменные *балбалы* являются памятниками ранних форм религий, например фетишизма (религиозное поклонение неодушевленным материальным предметам, в данном случае каменным фигурам, наделенным в представлениях людей сверхъестественными свойствами, которые выступали объектами культа).

Проблемы общего и особенного в религиозной и мифологической картинах мира ногайцев исследуются в нашей статье «Религиозно-мифологическая картина мира ногайцев (по фольклорным источникам)» [12], результаты которой подтверждают идею о том, что религиозная картина мира ногайцев формировалась эволюционным путем – от политеистического (мифологического) представления о сотворении мироздания (в ранних религиях) к раннемонотеистической концепции сотворения Мира единым Богом Тангри (в тенгрианстве), а затем – к монотеистической модели мира, с идеей сотворения Вселенной, Земли и человека Аллахом (*Кудаем*). В результате религиозная картина мира в традиционном исламе ногайцев сохранила такие концепты, как принцип бинарной оппозиции, многослойность (многоуровневость) мироздания и его обитателей, идею о первопредках, веру в существование духов и силу предзнаменования, доисламскую эсхатологию (представление о конце света) и т.д. (Там же).

Проведенные нами опросы жителей ногайских сел показали живучесть некоторых древних обычаев. Так, следы доисламских религий, в частности, прослеживаются в том, как празднуется у степняков *Ораз-байрам*, т.е. праздник разговенья в честь окончания поста в месяц Рамадан (Рамазан). К таким элементам относятся: жертвенные угощения, устраиваемые в каждом доме за два дня до начала празднества (*дувашай*), чтение молитвы за всех умерших родных (*оьли шек*), ритуальная милостыня в пользу бедных (*битир/битирсадака*).

С ранними религиями связан и праздник Курман-байрам (букв. праздник жертвы) – праздник жертвоприношения, приуроченный к окончанию паломничества (*хаджа*) в Мекку. Отмечается праздник через два месяца и десять дней (70 дней) после окончания поста, и длится, как и *Ораз-байрам*, три дня. Обязательным элементом *Курман-байрам* является ритуальное жертвоприношение. Неотъемлемой частью праздника является и поминание умерших родственников, чтение молитвы (суры из Корана) для упокоения их душ (на родовых кладбищах и в домах недавно умерших).

В ранних религиях почитание душ умерших родственников выражалось в представлении о том, что душа человека, попав в потусторонний мир, получала способность участвовать в жизни своих потомков, имела возможность влиять на судьбы живых людей, предупреждать о грядущем, советовать, помогать им и т.д. Необходимой обязанностью живых людей была забота о душах умерших родственников через поклонения, моления, угощения (жертвоприношения) – *курманлык, ясак* (букв. «дань»).

Культ предков имел разные формы, принятые целиком или частично последующими религиями (тенгрианством и исламом) – погребение усопшего по древним обычаям, сооружение погребальных комплексов, проведение приуроченных обрядов, связанных с поминанием усопших. Считалось, что все эти практики обеспечивают связь живых родственников с усопшими и являются условием покровительства со стороны.

К доисламской (иудейской) религии, очевидно, восходит праздник *Аиура*, отмечаемый мусульманами в десятый день месяца Мухаррам. Связан он не только с событиями рождения Ибрахима (Авраама), но и с ветхозаветным повествованием о ковчеге Ноя, остановившемся после всемирного потопа на горе Арарат. С этим повествованием связан и обычай приготовления в назначенный день ритуального блюда, состоящего из семи обязательных ингредиентов («из запасов Ноя»), в том числе – замоченных зерен фасоли, кукурузы, сушеного мяса. Обязательным было угощение этим ритуальным блюдом семи домов. Обычай угощения можно отнести к одному из вариантов древних (доисламских) обрядов бескровного жертвоприношения.

Определенное влияние на еще один религиозный праздник мусульман *мабулт/мавълит* оказали тенгрианство, иудейство, а также такая мусульманская практика, как суфизм. Праздник приурочен ко дню рождения пророка Мухаммеда, но отмечаемому в течение всего месяца *мабултайы (рабиуль-авваль)*.

У степных ногайцев праздник *мавлид* отмечали по древнему обычаю: «Обряд проводили обычно в доме, в одной из самых просторных комнат. <...> Совершив омовение, все располагались вокруг сосуда со сладкой водой и хлебом. Участники обряда выставляли в круг часы, кольца, серьги, четки (*дести*), на которые, по мнению верующих, переходит благодать от чтения *мавлида*» [21, с. 168, 169]. Этим же автором отмечается значительное влияние (у тех же степных ногайцев) на *мавлид* суфизма: «Действительно, как само оформление обряда: расположение его участников по кругу (круг, являющийся одним из древнейших солярно-лунарных знаков <...>, получил широкое распространение в суфийской обрядности, в частности, во время радений), так и его важнейшие детали: чтение наставлений, исполнение текстов, сильно воздействующих на состояние людей, важная роль зикра, следующего непосредственно за кульминационным моментом *мавлида* – все это свидетельствует о несомненном и решающем влиянии суфизма...» [18, с. 51; 21, с. 175].

При пристальном рассмотрении вышеописанного обряда у кубанских ногайцев обнаруживается влияние более древней, тенгрианской, традиции, элементы которой сохранялись, хотя и в несколько трансформированном виде, в народных обрядах до XX столетия. Так, по рассказам старожилов, у кубанских ногайцев чаще всего праздник отмечают в мечети. *Мавлиды*, как правило, читает имам (эфенди) мечети, иногда его заменяет старейшина общины, знающий религиозные тексты. Заключительной частью молитвенной службы является исполнение на ногайском языке *мархабы* («приветствия»), в котором (стоя и слегка покачиваясь) принимают участие все присут-

ствующие. Имам держит в руках чашу с *сербетсув*, отпив глоток, передает ее остальным присутствующим. На *мавлиде* присутствуют только мужчины, женщины, подростки и дети могут лишь слушать молитву в соседнем помещении. Вслед за молитвенной службой следует коллективная трапеза, в которой участвуют все присутствующие аульчане [9]. Запрет присутствия на данной службе некоторых групп выполнял важные магические функции – охранительные, оберегающие от негативного воздействия потусторонних сил, т.е. является наследием далекого прошлого. Доисламские корни имеет и обязательная коллективная трапеза, являющаяся формой жертвоприношения.

Примером участия мусульманских служителей в обрядах, имеющих более древние корни, является эпизод, записанный М. Алейниковым. В 1892 г., при появлении азиатской холеры в ауле Мансуровском (Кубанской области), был проведен необычный обряд. Была приобретена черная корова. «Затем корову связали, положив ее возле вырытой ямы. После этого началось общее просительное богослужение об отвращении Аллахом надвигающегося страшного бедствия. По окончании богослужения и молитвенного омовения, корову зарезали, положили ее так, что кровь из нее вытекала в яму, куда потом были зарыты внутренности ее и кости. К этому времени был приготовлен плуг со впряженными в него 6-ю быками и старая сабля. Когда с полей был согнан в аул весь скот и снята со священной коровы кожа, процессия тронулась вокруг аула в следующем порядке: впереди два молодых муллы с пением волочили за уши коровью кожу; за ними плуг проводил глубокую борозду, по которой мулла сзади чертил саблюю; позади всего два *эфендия*, с *Кораном* в руках, читали нараспев; шестые замыкали все жители аула – и стар и мал, по временам, по знаку *эфендиев*, громогласно произнося священные слова *Корана*: “Аминь, Аллах!” Очертив бороздой аул, шествие закончилось тут же на берегу реки общественным обедом, состоявшим из вареного мяса священной черной коровы» [1, с. 13, 14].

К ранним анимистическим верованиям восходит окказиональный обряд вызывания дождя: «Проводя обряды, в которых присутствует языческая атрибутика (кости, камни), мусульмане все же считали, что они не отступают от исламских принципов. Мольбы обращались к Аллаху и только к нему. Камень (или кости) с прочитанными молитвами был лишь освященным традицией средством обращения к Богу» [21, с. 189]. Подобные обряды могли быть связаны с фетишизмом – верой людей в способность отдельных предметов воздействовать на природные явления. В разных регионах проживания ногайцев до настоящего времени сохраняются почитаемые камни, используемые в традиционных обрядах степняков.

У ногайцев-карагашей Нижнего Поволжья, сохранивших в XIX – первой половине XX вв. шаманские практики, произошло определенное соединение последних с исламом. При этом из шаманизма исчезли черты, противоречащие нормам ислама, а некоторые муллы сами лечили больных шаманскими методами. Таких людей называли *молла-баксы*. Широкое распространение данного феномена имело и у карано-

гайцев с середины XIX в., существует оно и в настоящее время – «по сей день известны муллы, общающиеся, по представлениям ногайцев, с духами-*йин* и пользующиеся их помощью при лечении больных и гадании. Их называют *йинли-молла*, т.е. “мулла, связанный с духами”. Считается, что *йинли-молла* водят дружбу с духами, знают их мир, имена, благодаря чему и обладают феноменальными способностями. Власть над духами *йинли-молла* давала особая книга, которую ногайцы называли просто *Китап* (от араб. *китаб* – книга)» [19].

Доисламские корни имеет так называемый народный ислам, выражающийся, в частности, в ритуалах с чтением сур из Корана, принятый в семейных, общественных и календарных обрядах. По случаю наречения ребенка (*азан шакырув*), стрижки утробных волос (*бас кетеруьвтой*) проводили ряд ритуалов, после которых устраивали *курманлык* – резали жертвенное животное в знак благодарности Всевышнему, устраивали пышную трапезу для всех приглашенных. Обязательно у ногайцев и участие духовных лиц при проведении других семейных обрядов – свадебного (*некях*) и похоронного. Во втором случае читают *суры* из Корана до выноса покойника из дома, затем на кладбище. При этом *дува* читают после похорон, *зикры* исполняют в доме покойника. На седьмой, сороковой день и через год после смерти устраивают поминки *маулит*.

Сакральными у ногайцев считались чаши *маржанаяк*, на которых писались *аяты* и *суры* из Корана, причем каждая чаша имела свое предназначение – для облегчения родов у женщин, для излечения от страшных болезней (от чумы и холеры воду пили в течение 40 дней), во время свадебного обряда – ввода невесты в дом жениха и т.д. [10].

С культом мусульманских святых и названием *авлие/ауля* (букв. святой праведник, покровитель) связаны пережитки фетишизма. У ногайцев словом *авлие/ауля* часто называют могилы святых. В.М. Викторин отмечает, что «собранный в последние годы материал, относящийся к “ауля” *Урдяк-аже*, или *Оряк-аже*, обнаруживает явные следы древнего культа “огня и идолов” в кочевом шаманстве. Это и зажжение лампы с огнем при молении в домике “ауля”, и деревянное изображение трех скрещенных стрел в изголовье могилы (вместо ожидаемого полумесяца) <...> Слово “аже”, которым обозначают похороненных в могилах – “ауля”, является, скорее всего, контаминантом из арабского “*хаджи*” и древнетюркского “*эйе, эзи*” – “дух-хозяин местности и стада животных”. “*Урдяк*” – в переводе “утка”, и “*Урдяк-аже*” означает примерно “дед Утка”. Духу земли и воды приносили жертвы самые древние тюрки V–VIII вв., а птица-утка, считалось, несла их по столбикам-вехам с ленточками (флаги, в описании И.М. Махмудова) “богу вечно синего неба” *Тенгри*, или *Тянгри* даже у ногайцев-мусульман XVI в. Но под “уткой” проглядывает еще более древний и темный образ – “оряк”. <...> По-угарски “*аторкезады*”, или “*оркипбаслады*” значит “лошадь встрепенулась, шарахнулась от страха”. Таким образом, вероятно, что еще кыпчаки-половцы домонгольского времени поклонялись духу этого озера и пользовались целебны-

ми свойствами его воды» [3, с. 87]. У ногайцев-карагашей особенно почитается *ауля* Сеит-баба Хожетаевского (согласно надписи на могильной плите, он умер в 1730 г.), т.е. ногайского (карагашского), чудотворца-суфия, по преданиям, уроженца селения Хожетаевское Красноярского уезда Астраханской губернии. «Согласно ногайским преданиям, он понимал язык зверей и птиц, мог путешествовать верхом на зайце. Из Аравии святой привез посох, Коран и кувшин с целебной водой. Ауля Сеит-баба располагается на мусульманском кладбище у с. Малый Арал в Красноярском районе Астраханской области. На этом же кладбище хоронили и потомков святого – представителей рода *сеиталтаяк*, основателем которого считается *Сеит-баба*» [11, с. 7]. Таким образом, распространение у ногайцев почитания могил святых явилось результатом приспособления ислама к древним традициям, а почитание святых стало «оболочкой, под которой внутри ислама могли сохраняться уцелевшие остатки побежденных им религий» [5, с. 139; см. также: 2, с. 65; 16].

В письменных источниках прошлых столетий упоминаются мусульманские захоронения в Ногайской Орде по немусульманским канонам: «Погребение устраивается у ногаев <...> в присутствии муллы, в деревянном гробу, в могиле с двумя камнями; девушкам в ноги и изголовье кладут яркие ленты или цветы; единственное заметное отличие – насыпали курган, “чтобы помешать зверям разрыть трупы”» [6, с. 482, 483, 487]. Последнее действие объяснялось, вероятно, не только заботой о сохранности могилы, но и «давней кипчакской традицией, несомненным реликтом язычества» [20, с. 255]. Позднее сооружение курганов прекратилось, а ногайцы XIX–XX вв. стали хоронить согласно общепринятому мусульманскому ритуалу [4, с. 128].

Помимо погребения усопших по древним обычаям, ногайцы ставили надмогильные плиты – *сынтак*, а в особых случаях устанавливали усыпальницы. Так, например, в восточной части степи Дешт-и-Кипчак имелось довольно много мавзолеев, стоящих вне кладбищ, т.е. отдельно. Обычно они были из обожженного кирпича или (реже) камня, обычно грубо обработанного. Возводились они в XIV–XVI вв., когда происходила постепенная исламизация региона. В науке устоялась точка зрения, что это усыпальницы кочевой аристократии, семейные и одиночные, возводившиеся в примерных границах их кочевий [7, с. 124; см. также 13]. Г.И. Перетяткович считал заботу о монументальном увековечении предков особенностью именно ногайцев [16, с. 138]. Подобные памятники различного вида назывались *мазар* или *кешене*. Судя по данным письменных источников, до конца первой трети XVII в. они устанавливались над могилами *биев*, *мирз* и иногда их приближенных. Возле них и устраивались поминальные тризны [20, с. 553].

В течение нескольких столетий ислам у ногайцев вытеснил другие религии, прочно утвердившись в духовной жизни. Проведенное исследование показывает, что от доисламского периода в мировоззрении ногайцев сохранился ряд архаических религиозных практик. Все это в конечном счете придает религиозной жизни ногайцев своеобразные черты, которые

можно обозначить понятием «степной ислам». В настоящее время традиционный ислам служит мощным фактором культурной консолидации ногайского этноса как одного из народов многонациональной России.

Литература

1. Алейников, М. Н. Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области / М. Н. Алейников // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис : Тип. главн. упр. наместника кавк., 1893. – Вып. XVII, отд. 2. – С. 1–14.
2. Башилов, В. Н. Культ святых в исламе / В. Н. Башилов. – Москва : Мысль, 1970. – 144 с.
3. Викторин, В. М. Ауля и мужавират: (Следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани) / В. М. Викторин // Половецкая луна. – 1993. – № 3/7. – С. 85–92.
4. Гаджиева, С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. / С. Ш. Гаджиева. – Москва : Наука, 1979. – 173 с.
5. Гольдциер, И. Культ святых в исламе (Мухаммеденские эскизы) / И. Гольдциер. – Москва : гос. антирелигиозное изд., 1938. – 180 с.
6. Де-Люк, Ж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г. / Ж. Де-Люк // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса : Тип. Л. Даникана, 1879. – Т. XI. – С. 473–493.
7. Егоров, В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – Москва : Наука, 1985. – 245 с.
8. Зульпукарова, Э. М. Из мифологии, фольклора и обрядовой культуры ногайцев: синкретизм традиционных верований и ислама / Э. М. Зульпукарова, Р. И. Сефербеков // Исламоведение. – 2016. – Т. 7, № 3. – С. 85–102.
9. Информант А. А. Кумуков, 1938 г.р.; Б. Б. Карданова. Полевые записи 1987 г. Карачаево-Черкесия, а. Икон-Халк.
10. Информанты: М. Кошекбаев, 1974 г.р.; З. З. Зинева. Полевые записи 2020 г. Норильск; И. Б. Мусакаев, 1964 г.р.; З. З. Зинева. Полевые записи 2020 г. Дагестан, Кизляр).
11. Истилеев, А. У святых могил Букей-хана и Сейд-бабы / А. Истилеев // Волга (Независимая газета Астраханской области). – 2001. – 16 ноября. – № 170 (24091). – С. 7.
12. Карданова, Б. Б. Религиозно-мифологическая картина мира ногайцев (по фольклорным источникам) / Б. Б. Карданова // Вестник филологических наук. – 2022. – Т. 2, № 3. – С. 38–45.
13. Кастанье, И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края / И. А. Кастанье. – Оренбург : Тип. т-ва «Каримов, Хусанов и К°», 1910. – 332 с.
14. Керейтов, Р. Х. Ногайцы: Особенности этнической истории и бытовой культуры / Р. Х. Керейтов. – Ставрополь : Сервисшкола, 2009. – 468 с.
15. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – Москва ; Ленинград : Академия наук СССР, 1936. – 288 с.
16. Перетяткович, Г. И. Поволжье в XV и XVI веках: (очерки из истории края и его колонизации) / Г. И. Перетяткович. – Москва : Тип. Грачева и К°, 1877. – 338 с.
17. Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды / М. Г. Сафаргалиев. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1960. – 279 с.
18. Сухарева, О. А. Ислам в Узбекистане / О. А. Сухарева. – Ташкент : Издательство АН Узбекской ССР, 1960. – 90 с.
19. Сызранов, А. В. К вопросу о шаманстве у казахов и ногайцев-карагашей Нижнего Поволжья в XIX – начале XX вв. / А. В. Сызранов // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России : материалы Всероссийской научно-практической конференции 9–10 июля 2004. – Астрахань, 2004. –

URL: <http://mdn.clan.su/publ/1-1-0-17> (дата обращения: 25.07.2022). – Текст : электронный.

20. Трепалов, В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепалов. – Казань : Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – 764 с.

21. Ярлыкапов, А. А. Ислам у степных ногайцев / А. А. Ярлыкапов. – Москва : Издательство РАН, 2008. – 266 с.

B.B. Kardanova, Z.Z. Zineeva

HERITAGE OF EARLY FORMS OF RELIGION IN NOGAI TRADITIONAL ISLAM

The article deals with the issue of the origin and nature of the religious culture of the Nogais. The study shows that a number of archaic religious practices have been preserved in the Nogai worldview from the pre-Islamic period. The article concludes that traditional Islam among the Nogais is partly a syncretic phenomenon, which gives the spiritual life of this ethnic group peculiar features that can be defined as «steppe Islam».

Nogais, religion, Islam, traditions, transformation, customs, festivities, rituals.